

Матвеева
ТРОНИНА

ИЗНАМЕНОВАНИЕ

БЫТЬ КРАСИВЫМ
МУЖЧИНОЙ —

ТЯЖКОЕ
ИСПЫТАНИЕ

Татьяна Трoнина

Наваждение

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трoнина Т. М.

Наваждение / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2019

Встреча однокурсников спустя много лет – это всегда волнующее событие. Вспыхивают старые конфликты и завязываются новые интриги. Олег, самый красивый парень в группе, до сих пор пользуется вниманием сокурсниц. Бывшая жена Бронислава не дает ему спокойно жить, изводя оскорблениями и претензиями. Красавица Алина стремится возобновить отношения. А есть еще скромная Зина и хитрая Ася, которые тоже питают в отношении его какие-то надежды...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трoнина Т. М., 2019
© Эксмо, 2019

Татьяна Тронина

Наваждение

© Тронина Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Встреча бывшей группы была назначена на шесть вечера. Зина же оказалась на месте без десяти шесть, немного не рассчитала время, хотя предполагала, что да, наверное, мало кто из компании явится раньше назначенного времени... Но когда Зина зашла в ресторан, распорядительница с улыбкой заметила, что она сегодня – *самая* первая.

Зина села у длинного, во всю комнату, стола, на котором уже была расставлена посуда и разложены приборы, и просидела в полном одиночестве еще целых полчаса, пока не услышала, что там, в коридоре, распорядительница еще с кем-то переговаривается, объясняя, что встреча выпускников – «вон за той дверью, в банкетном зале».

Верно, у большинства людей была какая-то детская неуверенность или даже страх оказаться в неудобном положении. Пришел раньше всех на дружескую встречу, где должна собратся большая компания (речь именно о дружеской встрече, не о деловой) – значит, дурак. Значит, больше всех надо. Значит – простак. Умные, тонкие люди всегда опаздывают на подобные посиделки, даже если у них и имеется возможность прийти вовремя. Потому что эти люди еще и деликатные: понимают, что у их приятелей полно хлопот, забот, других важных мероприятий, наверняка мало кто придет вовремя, и своим опозданием они демонстрируют окружающим – как они вот это все понимают. Ну и заодно тоже участвуют во всеобщем флэшмобе – покажи, как тебе некогда, ибо ты крут, вон едва смог вырваться. А кто пришел раньше времени – у того, получается, и дел нет, и понимания происходящего... Поди, клянуть пришел у старых знакомых – работы ли, денег... Первым на встречи бывших выпускников (школы, вуза ли) являются те, кому «больше всех надо», а таких неприкаянных, откровенно «голодных» – не уважают.

Словом, Зина в первые минуты своего одиночества в пустом банкетном зале чувствовала себя довольно неуютно, но потом рассердилась сама на себя: вот еще – переживать из-за подобной ерунды!

– Привет! Зина, Зина Ромашова, это ты? – В зал вошла невысокая, худощавая и, точно мумия, закутанная в длинный белый палантин молодая женщина. Зина сразу узнала ее – Ася Дрогина. В студенческие годы – болтушка и вечная спорщица. Острая на язык, но вместе с тем не злая. Помнится, в те далекие студенческие годы кто-то назвал ее «синим чулком»... Но сейчас Ася смотрелась вполне современно, в духе времени – с этими неровными короткими кудрями на голове, в прихотливом наряде; на пол-лица – огромные очки в черной кривой оправе.

– Ася, рада тебя видеть... – поднялась ей навстречу Зина.

– А остальные где? Время-то сколько?.. Ой, уже двадцать минут седьмого! Искусствоведы, называется... Интеллигентные люди, а сами время рассчитать не могут! – тараторила Ася, усаживаясь рядом с Зиной и причудливыми складками набрасывая на колени концы своего палантина. – Ты как? Я помню, ты у нас дамой семейной была... Вечно куда-то бежала, в наших сборищах не участвовала...

– К детям бежала, куда еще, – улыбнувшись, пожала плечами Зина.

– Да-да-да, про детей я помню, ты мне тогда чуть не матерью-героиней казалась...

– Да ладно. Двое у меня. Двойняшки. Два сына.

– Еще учатся? – Любопытный напор Аси казался неиссякаемым.

– Да. В следующем году диплом защищают.

– Дипло-ом?! – Ася схватилась за голову. – Я школу имела в виду... а они – диплом? Зинка, да сколько им уже, получается?

– Двадцать два. Петр и Павел. Вполне себе взрослые мужчины, да, самостоятельные... – охотно пояснила Зина. – Из дома сбежали, квартиру сейчас снимают. Учатся и подрабатывают, в свободное время музыкой увлекаются, группа у них, в чем-то гараже играют.

– Двадцать два... – ошеломленно пробормотала Ася, пристально разглядывая Зину. – Во сколько же ты их родила?

Этот вопрос раньше задевал Зину. Было больно и стыдно. Ну как так, в семнадцать она родила... С некоторых пор стыд ушел, а потом и вовсе возникла залихватская гордость. Да, вот так, она еще молодая женщина (тридцать девять лет в наше время – не возраст, вон в транспорте обычно «девушка» обращаются), а у самой уже взрослые сыновья.

– В семнадцать, Ася, в семнадцать я их родила, – добродушно произнесла Зина.

– Какая же ты молодец! – с чувством воскликнула Ася. – И ты знаешь, ты все правильно сделала, я так понимаю. Отстрелялась и свободна. И все успела – и родить, и выучиться... А у наших-то – то никого, то детки в саду еще... Я вон все собираюсь, думаю... Помнишь Алину Велинскую? Красавицу нашу? Так одна и кукует. Верно, принца ждет. А она нас старше года на четыре, если ты помнишь... А, забыла, у Олега сын, у Олега и Брони, они же на последнем курсе поженились, и Броня родила сразу после защиты...

– Пятнадцать лет мальчику, – быстро прикинула в уме Зина. – А ты говоришь! Я помню, помню про Олега и Брониславу.

– Они все-таки развелись потом, – на всякий случай шепотом сообщила Ася. – Такая мелодрама. Алина к этому причастна, хотя у Олега с Алиной тоже не получилось... По секрету: Виктор принесет фото с выпускного вечера, того, который пятнадцать лет назад был, я эти фото видела, честно признаюсь... Что еще про наших знаю? Саяпин в каком-то журнале работает, Виктор, ну этот, который фото сегодня принесет – Витя, Витя Борташевич, – научный сотрудник в музее...

Ася сыпала новостями, но Зина уже не слушала ее. «Олег. Ну да, Олег Зоммер. Был такой юноша – нечеловеческой, неземной красоты. Интересно, как сейчас он выглядит?»

В коридоре зашумели голоса – разом, много; стало ясно, что бывшие выпускники явились толпой. Через минуту все уже обнимались-целовались в зале, ахали и вскрикивали от радости и удивления.

Зина стояла чуть в стороне, не участвуя во всеобщей эмоциональной вакханалии – как-никак, студенческие годы провела особняком, ни с кем столь трепетно не сдружилась, но все же и к ней подходили – обнимали, жали руку, задавали вопросы. Как и Ася, потом тоже восхищались самим фактом того, что сыновьям Зины уже двадцать два.

Еще через пять минут подвалила новая порция выпускников, шум в зале усилился... Человек двадцать собрались сегодня, не меньше.

Как поняла Зина из обрывков разговора, бывшие однокурсники пересекались и раньше, но как-то стихийно, небольшими компаниями, сегодня же – особый случай: пятнадцать лет прошло со времени выпуска... Собственно, именно поэтому Зина и решила участвовать в общей встрече – столь значимую дату трудно проигнорировать.

– Зина, привет, молодец, что пришла! – К ней сквозь толпу пробился Слава Векшин – высокий, крупный, уже наполовину седой. Он нашел Зину в одной из социальных сетей где-то год назад; Зина и Слава переписывались время от времени. Это он прислал Зине приглашение на этот вечер. Обернулся, произнес громко: – Граждане, а вы в курсе, что Зиночка наша популяризатор искусства, у нее книга вышла недавно?

Сообщение о вышедшей книге произвело эффект на публику.

– Зина, какая же ты молодец!

– А книгу принесла? Зина, скажи, где ее купить!

– Господа, как мало среди нас тех, кто по специальности работает... Смысл в этом высшем образовании?

– Но, милый мой, а кто сейчас вообще по своему профилю работает! А уж искусствоведы сейчас и задаром никому не нужны. Зина, ты, в сущности, последняя надежда нашего вуза, получается...

Зина почувствовала смущение – она (в реальной жизни, не виртуальной!) не привыкла находиться в центре внимания.

– Зина, можно тебя на минутку? – потянула ее за руку какая-то дама, знакомая и одновременно незнакомая... Высокая, не толстая, но мощная, с крупными чертами лица – кариатида, да и только, несущая на своих плечах многотонную махину жизни. На «кариатиде» – джинсовое платье-сафари, белые волосы убраны на затылке в пучок величиной с футбольный мяч, лоб перечеркнули черные четкие брови, явно нарисованные щедрой рукой салонного мастера-бровиста...

– Броня? – неуверенно произнесла Зина, глядя в крупные черты лица своей собеседницы. – Бронислава?..

– Точно. Я тут услышала, что твои парни уже вуз заканчивают... А какой? Поступить сложно? На бюджет попасть реально? Я к чему: у меня же тоже парень, и нам определяться надо.

– Да, я в курсе, пятнадцать твоему, да? А как зовут?

– Стива, – отчеканила Бронислава. – Разгильдяй и дурень, уж не знаю, в кого, в отца, наверное... Папаша тоже все норовил сбежать от сложностей...

Папаша – это она ведь об Олеге!

Грудь у Брониславы была выдающейся, но Зина старалась на нее специально не пялиться, хотя бывшая однокурсница буквально напирала бюстом на Зину. Нет, эта Броня – никакая не кариатида, а самая настоящая валькирия. Брунгильда. Танк... Внезапно Броня словно забыла о том, что разговаривает сейчас с Зиной, и, сведя брови, с недобрый выражением лица уставилась в сторону двери, да и шум вокруг немного поутих... Это потому, что в зал вплыла Алина Велинская (уж ее-то Зина сразу узнала) – по-прежнему роскошная, изящная и, ко всему прочему, пахнущая каким-то одуряющим ароматом – подобного Зина не встречала ни в одном парфюмерном магазине. Чем-то Алина напоминала королеву бурлеска Диту фон Тиз в ее лучшие годы: сочетание хрупкости и полновесности, контраст черного и белого (белоснежного платья и жгуче-черных волос, уложенных в сложную конструкцию), малиновые губы, фарфоровое личико...

– Дорогие мои, золотые... Как же я рада вас всех видеть! – Голос у Алины тоже был необыкновенный. Низкий, хрипловатый, тягучий и вместе с тем нежный, обволакивающий, очень женственный.

Зину потянула за плечо чья-то рука. Это была Броня, словно сбросившая с себя наконец наваждение.

– Дорогие мои... – шепотом передразнила Броня. – Зин, ты это слышишь?

Зина приветливо улыбнулась, осторожно извернулась, выскальзывая из-под тяжелой длани Брони, и попятилась назад. Пятилась-пятилась и натолкнулась на кого-то. Оглянулась – Виктор Борташевич.

– Витя? Витя, привет! – любезно произнесла Зина. – Я слышала, ты в музее, где-то в центре города, да, работаешь?

– Старший научный сотрудник, – кивнул Виктор. Невысокий, плотный, с огромными залысинами, в летней куртке с короткими рукавами. Самое удивительное, но Зина прекрасно помнила эту куртку – в ней Виктор ходил и в институте. – А ты книгу написала? На какую тему?

– На тему советской живописи. Я специалист по двадцатому веку.

– Молодец, – Виктор энергично пожал Зине руку. – А сама-то сейчас где?

– Сейчас нигде формально. Я журналист, искусствовед, у меня блог...

– Я поняла! – вскричала Ася, вынырнувшая из толпы. – Так это ты – та самая блогер «Ромашка», да?! И как я сразу не догадалась, все же очевидно! Зина, ты герой, ты популяризатор нашего отечественного искусства... И книга у тебя вышла, и блог ведешь еще... И вроде ты даже премию какую-то получила за свой блог, да?

– Получила, – согласилась Зина.

– Вот! Только сейчас у меня в голове все сложилось, на свои места встало. Зина, ты среди нас, оказывается, самый известный человек! А на вид тихоня, как всегда, серой мышкой прикидываешься...

– Мне недавно ссылка пришла, тоже на одного блогера, – присоединился к беседающим Слава Векшин. – Правда, прячущегося под ником «Черная Пантера». Я почитал, и у меня ощущение, что это человек из нашей компании. Из нашего вуза, с нашего курса! Про антиквариат эта (или этот?) «Пантера» пишет, про людей... Зло, язвительно, хлестко. Умно, – подумав, добавил Слава.

– И мне ссылка на этого автора приходила, – вспомнил Виктор.

– И мне! – неожиданно озарило и Зину. – Точно, точно, у меня тогда тоже возникло ощущение, что этот человек в нашем вузе учился, с нами со всеми...

– И я не исключение, и я о «Черной Пантере» слышала, – припомнила и Ася. – Точно, это кто-то из наших. Скрывается под псевдонимом. Зина, это не ты случайно?

– Нет, мне своего блога хватает, второй не потяну, – смутилась Зина.

– Перечитаю еще раз эту «Черную Пантеру», – торжественно оглядев всех присутствующих, произнесла Ася. И повторила громко: – На все сто уверена, что это кто-то из наших.

– Кстати, я же принес фото с нашего выпускного, – спохватился Виктор и полез в нагрудный карман куртки. – Фотографировал в тот вечер по старинке, на свой пленочный, долго тогда не мог привыкнуть ко всем этим цифровым гаджетам, навороченным телефонам с фотокамерами... И куда-то эту пленку дел. Так вот. Короче... На днях на антресолях разбирался и нашел негативы. И напечатал. Я сам, кстати, до сих пор дома печатаю... И вообще, пленка лучше, чем цифра, это многие знатоки признают. Словом, теперь у меня есть уникальные фото, которые, между прочим, почти никто не видел до сих пор. Отсканировал их и сразу у себя в журнале хотел опубликовать, но Ася мне посоветовала приберечь те снимки для этого дня.

– Да, я одна видела эти фото, – хитро усмехнулась Ася, запахивая на груди палантин. – Поскольку Витя их уже в цифру перевел и мне сбросил. И вот тогда я ему написала, что у нас встреча намечается, не забудь принести...

– Покажи! – потребовал Слава. – Это же раритет. Уникальные фото – и потому, что пленочные, и потому, что мы, ребята, тогда и не сфотографировались толком... Недружно как-то посидели тогда.

– Зато сейчас дружно! – возразила Ася. – Давайте же все за стол, давайте что-нибудь закажем, надо это дело отметить...

Бывшие выпускники разместились за столом, и терпеливо поджидавшие этого момента официанты начали принимать заказы.

Зина попросила себе темное пиво и говяжью котлету на гриле – очень неромантичный, неженственный выбор, судя по всему, поскольку другие однокурсницы наперебой заказывали вино и салаты.

За столом болтали, перебивая друг друга, чокались то и дело, смеялись. «Кого-то не хватает, – подумала Зина. – Определенно, один человек не пришел сегодня!»

Она сама себя спросила, хотя с самого начала прекрасно знала, о ком сейчас все ее мысли. В этот момент, словно услышав ее, в банкетный зал зашел последний гость.

– Простите, опоздал, – сказал гость.

У Зины словно холодок между лопаток пробежал, хотя в распахнутые окна вливался теплый вечерний воздух.

Это был Олег Зоммер, именно его Зина и ждала.

Она никогда не ощущала себя влюбленной в этого человека, но Олег всегда ее волновал, как и все красивое и удивительное в этой жизни: как не может не волновать картина, написанная талантливым художником, дом, построенный смелым архитектором, сад, полный цветов, интересная книга, красивый закат или восход, солнце, лето – такое короткое в средней полосе России... Зоммер. Кстати, «зоммер» в переводе с немецкого – это и есть лето. Помнится, Олег в студенческие годы рассказывал о своих немецких корнях.

– Явился, не запылится, – скрипучим голосом пробормотала Броня, сидевшая неподалеку от Зины. Броня явно ненавидела своего бывшего – до сих пор. Хотя вроде давно они развелись, Олег и Броня. Чем же именно Олег так обидел свою жену, или дело не в нем, а в обидчивости Брони? Ведь для некоторых любой пустяк, мелочь, простая оговорка – уже повод психовать всю жизнь.

Что касается Алины Велинской (именно на нее невольно перевела взгляд Зина), то та как будто побледнела, когда появился Олег. Опустила ресницы, улыбнулась едва заметно, с таким забавным, нежным выражением, что, наверное, у многих окружающих мужчин сжались сердца от этой улыбки. Алина была очень хороша.

Даже непонятно, кто из них ярче (в рамках своего пола, разумеется) – Олег или Алина.

Алина была словно звезда экрана (хотя занималась чем-то таким, далеким от кинематографа, вроде работала представителем какого-то дорогого мебельного салона); Олег тоже напоминал киноактера. Или мужчину с журнальной обложки, рекламирующего товары для богатых. Бывший однокурсник – высокий, гармонично сложенный, с прямой спиной, подтянутый, но одновременно совсем не кажущийся зажатым... Черные густые волосы, синие глаза. Да, настоящие синие глаза, которые очень часто упоминаются в сентиментальных дамских романах для живописания главного героя, но в жизни почти не встречаются. Правильные черты лица. Спокойный, доброжелательный взгляд умного мужчины... Довольно большой рот, – но он не портил Олега, а придавал его внешности определенную изюминку.

С появлением Олега в зале опять поднялся шум, все пожимали друг другу руку, тянулись через стол, отовсюду летели шуточки и смех... Олег сел как раз напротив Зины, с другой стороны стола. Улыбнулся, помахал ей рукой. Зина в ответ тоже ему помахала.

И с отчаянием уставилась на свою котлету, которую только что поставила перед ней на стол официантка.

– Ты наш выпускной-то помнишь? – К Зине наклонилась Ася, сидевшая по другую руку. – Так вот, Олег с Броней развелись из-за Алины.

– Я уже запомнила. Но тише, пожалуйста...

– Да они все равно не услышат, вон какой гвалт стоит. Короче, Броня родила как раз после защиты. У нас выпускной, помнишь, проходил в кафешке рядом с институтом? Собрались все отметить, а Броня еще в роддоме лежала, с сыном. И на выпускном Олег с Алиной... того.

– Что «того»? – спросила Зина.

– Нет, я не в курсе, *насколько* далеко у них в тот вечер все зашло, но они тогда так страстно обнимались во время танцев, как будто завтра – конец света.

– Погоди. Олег что, столь откровенный подлец? – огорчилась Зина, метнув быстрый взгляд на Зоммера, расположившегося напротив. – У него жена рожала, а он с другой публично обнимался?

– Да неужели ты не помнишь?

– Я была на том вечере, но ушла рано – дети, сама понимаешь. Да, видела, как Алина с Олегом танцевали, но...

– Броне потом все донесли, она, говорят, рвала и метала. Но они помирились с мужем. Впрочем, толку-то, потом все равно развелись. Ты же видела эту Броню, – едва слышно прошептала Ася.

– Танк, – невольно вырвалось у Зины, и она покосилась назад, в ту сторону, где сидела Броня.

– Самый настоящий танк! – подхватила Ася. – Из-за Алины, или не из-за нее, но они все равно потом разбежались, Олег с Броней. Ибо в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань... Олег, конечно, вовсе не трепетная лань, обычный мужчина, но Броня – это нечто... Лично мне тогда с первого взгляда стало ясно, что они не пара и что этот скороспелый институтский брак скоро развалится...

Ася продолжала шептать Зине на ухо, а та, уже забывшись, искоса рассматривала Олега. Он был очень красив, этот мужчина, но как понять, чем именно он брал за душу? В чем (чертах лица, или фигуре, или движениях) заключалась тайна его обаяния? Хотя бы с точки зрения искусствоведения...

Ведь ничего особенного в этом мужчине не было. Хорошая фигура и правильные черты лица – разве этим кого-то удивишь, особенно в наше время – время фитнес-центров и барбер-шопов, способных облагородить любую внешность; в наше время, когда одежды, обуви, аксессуаров – завались, на любой вкус, на любой кошелек, и к стилистам не надо обращаться, вот они, капсюльные коллекции в торговом центре либо в интернет-магазине, покупай целиком да надевай. И мужчины даже самой традиционной ориентации охотно пользуются этим, ведь сегодня внешность (в данном случае солидная мужская внешность, если речь про сильный пол) – это возможности, кредиты (в прямом и в переносном смысле), внимание (ну кто станет обращать его на невзрачного, неухоженного человечка). Это широкий выбор – в личной жизни, например. Такой красавец может претендовать на сердце любой женщины...

Но все это было не то, и не про него, не про Олега Зоммера. Судя по всему, он и не стремился привлекать к себе внимание. Одет был весьма обычно – джинсы да светло-серая летняя рубашка навыпуск. Какая-то необыкновенная грация в нем, невероятная мужская пластика? Тоже нет.

Может быть, это лишь Зине он казался невероятным красавцем, а все прочие люди и не замечали его достоинств?..

– Зина... – неожиданно к ней обратился он сам.

– Да? – вздрогнула она от неожиданности.

– Твоя? – Он потянулся через стол, протянул ей свой телефон экраном, а на экране – обложка книги. Той самой, автором которой являлась Зина.

– Моя.

– Я заказал только что. Жаль, раньше этого не сделал, ты бы мне ее сейчас подписала, – откинувшись назад, улыбнулся Олег.

Рядом фыркнула Броня.

– А ты сейчас чем занимаешься? – спросила Олега Зина.

– Я реставратор. В музее, – он произнес название известного музея. – Ну а в свободное время, как хобби, как дополнительный заработок – тоже реставрирую, но старинную мебель.

Броня опять фыркнула.

– Мебель? – переспросила Алина своим вкрадчивым, завораживающим голосом. – Как это интересно!

– Да, она у нас тоже по мебелим... – негромко, но вполне отчетливо произнесла Броня.

Зине вдруг стало не по себе. Зачем она пришла сюда? Пятнадцать лет этих людей не видела и еще столько бы без них прекрасно прожила. Броня – танк, Алина – существо из какого-то чужого, неведомого мира, Олег – тот еще подлец и бабник, оказывается.

И, главное, почему она, Зина, почтенная и занятая серьезными делами дама, думает об этом мужчине, не может до сих пор выбросить его из головы? Ведь она даже не была влюблена в Олега тогда, в юности, она никогда не грезила о нем.

В далекие институтские времена Зине не до того было, да и какому юноше нужна подруга с двумя маленькими детьми? Потом, после окончания вуза – ну смысл вспоминать о прошлом?.. Сейчас тоже надеяться не на что – у Олега наверняка кто-то есть, не может же *такой* мужчина существовать один! Да к нему и не подступишься, вон вокруг него строем женщины ходят, не подпустят.

То, что Зина испытывала к Олегу, наверное, называлось наваждением. Да, нечто туманное, мучительное, несерьезное и откровенно мешающее жить...

– Держи, – Ася сунула в руки Зине комплект фотографий, вероятно, тех, что принес Виктор Борташевич. Зина принялась машинально их перебирать, и к ее плечу склонилась Броня.

Прошлое на миг словно ожило. Вот то кафе и лица однокурсников, юные и счастливые. Вот на одном из фото – она, Зина, растерянная девочка с широко открытыми глазами, наверное, думает о том, как там, дома, справляется ли мама с непоседами-двойняшками?

«Если посмотреть на это фото со стороны, как, например, на чей-то женский портрет, то у меня, наверное, была очень заурядная внешность. Дело ведь даже не в идеальных чертах лица, а в умении себя подать... Так вот, я раньше выглядела скучной. Сейчас, может быть, я лучше, интересней, потому что мне уже давно на все и на всех плевать. Я свободна, и мне ничего не надо...»

На очередном фото – Алина и Олег. Танцуют медленный танец, обнявшись, глядя друг на друга. Вроде ничего особенного – кто ж запретит танцевать, кто станет осуждать за танец, но сколько нежности и тоски во взглядах этих двоих...

Зине стало неловко, она почувствовала себя так, словно ее застали за тем, как она подглядывает в замочную скважину. Еще она подумала о том, что Виктор весьма неосмотрительно выложил данный снимок для публики. Ну ясно же, что Броне, если она увидит его, станет неприятно.

И точно – Броня рядом, склонившись к Зининому плечу, отчетливо засопела. Зина быстро убрала *то фото* под низ стопки, остальные быстро перелистала и протянула куда-то в сторону – чья очередь, смотрите...

Но Броня выхватила из ее рук всю пачку.

– Ася, ты, говоришь, их видела, эти фото? – спросила шепотом Зина Асю, повернувшись к той. – Как-то не очень... – Она встала из-за стола.

– Ты уходишь? – невинно захлопала ресницами Ася.

– Н-н-нет, мне позвонить надо, вспомнила, – соврала Зина и вышла в коридор. Тут полутьма, узкий проход, сбоку мчится официант с подносом – обслужить компанию...

Зина вышла на улицу, вдохнула теплый вечерний воздух. Было еще светло, тихо и как-то по-особенному благодно, как бывает лишь вечерами и только летом, когда время словно замирает.

Стоя на веранде, в углу, она уткнулась в экран своего телефона и принялась проглядывать почту. В ее блог, к последнему посту, о художниках, работавших на военных фронтах, карандашом и кистью рисующих то, чему стали свидетелями, пришло много комментариев. На какие-то Зина отвечала, с кем-то спорила, иные ответы удаляла, а авторов их банила.

Зина так увлеклась, что не заметила, как на веранду вышла Броня. Бывшая однокурсница выглядела мрачнее тучи.

– Скотина, – отчетливо произнесла Броня, встав рядом с Зиной. – Я про эту фифу... Нет, мне говорили, я знала, да, я знала! – но, понимаешь, все это увидеть своими глазами...

– Ты о тех фото? – спросила Зина, оторвавшись от своего телефона. – Просто неудачный ракурс, я тебе как искусствовед искусствоведу говорю. Ничего особенного, на самом деле.

– Ты хорошая, Зина, ты добрая, – с чувством произнесла Броня. – А вот она, эта фифа, не побоялась к женатому мужику полезть, когда его жена в роддоме лежала... И как у нее совести хватило прийти сегодня? Я и Олегу, кстати, целое утро названивала, хотела ему сказать, чтобы не приходил сюда, ведь знал, что испортит мне этот день... Но не дозвонилась.

– Забудь, – с беспечной улыбкой произнесла Зина. Она понимала, что утешать Броню бесполезно, но почему-то не могла уйти просто так. – Жизнь больше, чем обиды. Ну, было и было. Пятнадцать лет это все на себе тащить? Перестань...

– Да я бы рада перестать и забыть, но не могу! – прижимая крупные руки к высокой, сферически правильной, широкой груди, с чувством воскликнула Броня.

И в этот момент на крыльцо, уткнувшись в экран своего телефона, выплыла Алина. Поставила на ограждение бокал с вином и принялась порхать по экрану изящными пальцами с французским маникюром, затем поднесла телефон к уху, подняла голову... и тут натолкнулась взглядом на Броню с Зиной.

– Ой, – пробормотала Алина, не отрывая от Брони ярких карих глаз, но наконец сбросила с себя наваждение, опять коснулась экрана пальцем, затем положила телефон в сумочку, перекинутую через предплечье, взяла вновь свой бокал и деликатными шажками, постукивая высокими шпильками туфель-лодочек о каменный настил веранды, попятилась назад.

– Стоять, – произнесла Броня, обращаясь к Алине. – Ты не хочешь мне ничего объяснить?

– Я ничего не обязана тебе объяснять, – мягко произнесла Алина.

Зина решила, что самое время вернуться обратно в зал, но Броня, не глядя, рукой – словно шлагбаум опустился – преградила Зине дорогу.

– Зиночка, ты посмотри на нее. Ты ведь сама мать, Зиночка, ты меня понимаешь... Сколько от этих проституток женщин пострадало, сколько детей без отца осталось...

– Я – проститутка?! – ахнула Алина. – И какую же сумму мне твой муж тогда заплатил? Ты скажи, скажи, я тебе верну эти деньги, которые утекли из семейного бюджета...

Лицо Брони передернула судорога – словно от пощечины.

– А судьба тебя наказала, знаешь? – с придыханием произнесла Броня. – Ты одна, ни котенка, ни ребенка, никого. Бросили тебя твои любовники. Спать с тобой готовы, а замуж других зовут! Ты пустоцвет, Алиночка, вот ты кто!

Сердце у Зины дрогнуло. Она в этой ситуации не была ни на чьей стороне, она вообще не хотела влезать в старые дразги, но, судя по этой реплике, Броня уже перешла всякую грань.

Секундная тишина – и Алина молниеносным движением выплеснула свой бокал вина Броне в лицо.

Броня зажмурилась, потом широко открыла глаза и шумно выдохнула – так пловцы выныривают из глубины. На светло-голубом ее платье из джинсовой ткани – темные потеки до самого подола. Миг – и она бросилась на Алину, вцепилась той в волосы.

Алина застонала и острым каблуком ткнула Броне в ногу. Еще через мгновение уже было не разобрать, кто где.

– Девочки, что вы делаете! – закричала Зина с ужасом. – Немедленно прекратите!

Выскочил охранник, ловким движением перехватил Броню, оттащил назад, и оба – Броня и охранник – исчезли в дверях ресторана.

Зина помогла Алине подняться с колен. Светлое платье испачкано, на руке след от Брониных крепких ногтей – глубокие царапины. Из них капельками сочилась кровь.

– Держи салфетку... Больно? – с отчаянием спросила Зина. – Ах, как это зря всё...

– Спасибо, – прошептала Алина, прижимая салфетку к руке. – Она сумасшедшая. Ты это видела?

– У тебя здесь синяк еще намечается, на лбу. Надо скорее лед приложить. Сейчас попрошу лед...

– Ничего. Спасибо, Зина. – Алина заплакала.

– И успокоительное принесу... Должно же быть у кого-то...

– Погоди. – Алина придержала ее за руку. – Мне не больно. Физически, в смысле. Все пройдет. Мне только обидно, что Броня назвала меня «пустоцветом». Вот это – большее всего...

– Не слушай никого. – Сердце Зины уже плавилось от жалости к Алине, такой нежной и трепетной.

– Я «пустоцвет», да. Столько лет была любовницей мужчины, который старше меня и женат. Он не хотел детей, я терпела и ждала, а потом оказалось, он и не думал на мне жениться, он все свое состояние собирает передать своим детям, своим...

Алина еще что-то торопливо бормотала про расчетливого любовника – как поняла Зина, того самого итальянца, бизнесмена, торговавшего элитной мебелью в России.

– ... Я хорошо выгляжу, да, и меня еще держат на моей должности, но что потом?..

«Да что ж это такое! – с отчаянием подумала Зина. – Зачем я согласилась пойти на эту встречу? Сначала сидела в зале за столом одна, как сыч, потом вляпалась в женскую драку, во все эти сплетни... И, ко всему прочему, разочаровалась в Олеге... Хотя, может, это и к лучшему, – неожиданно успокоилась Зина. – Мне *надо* было сюда попасть, для того чтобы развеять все эти юношеские фантазии. Избавиться от наваждения!»

В этот момент на веранду из ресторана вывалилась группа бывших однокурсников – видимо, о скандале уже все были проинформированы.

– Алина... Как ты?

– Ой, милая... Это кровь? Тебе срочно надо в травмпункт!

– И мне надо в травмпункт! – На веранду опять выскочила Броня. – Вы посмотрите... Платье она мне порвала, волосы вырвала, нога прямо на глазах пухнет, это она сюда каблучищем своим ткнула... Я в суд на тебя подам, Алина.

– Это я на тебя подам в суд, – сквозь слезы прошептала Алина и вдруг схватила Зину за руку. – Зина – мой свидетель.

– Нет, Зина *мой* свидетель! – возмутилась Броня, перехватила Зину за другую руку и рванула на себя. Потом еще раз рванула, пока Алина не выпустила другую ее руку. Зина с Броней пошатнулись.

– А-ай! – закричала Зина, едва удерживаясь на ногах, но ее вовремя подхватили.

Это был Олег, оказавшийся сзади. Он помог Зине не упасть.

– Куда ты ее тащишь? Отпусти! – грозно произнесла Броня. – Зина мой свидетель.

– Нет, Зина – мой свидетель... – рыдая, громким шепотом произнесла Алина.

– Искусствоведы, блин, – с тоской произнес Олег и, придерживая Зину за плечи, стремительно повлек ее куда-то.

Сзади шумели и кричали бывшие однокурсники. Судя по отдельным репликам, сочувствие публики было явно на стороне Алины.

– Что ты делаешь? – опомнившись, спросила Зина.

– Ты хочешь вернуться?

– Нет, но я не заплатила...

– Я оставил Векшину денег за всех. За нас – за себя, Броньку, Велинскую и тебя.

– Да?.. – растерялась Зина.

– Садись, – Олег подтолкнул ее к машине, затолкал внутрь. – Поехали.

– Куда?

– Я не знаю куда, но только подальше отсюда... – Олег упал на водительское сиденье, и через несколько секунд машина сорвалась с места.

– Подбрось до ближайшей остановки, ладно? – попросила Зина.

– Конечно.

Некоторое время они ехали молча, потом Зина не выдержала, спросила:

– А зачем ты за нас всех вдруг решил расплатиться? Я бы вернулась сейчас и сама...

– А то я не в курсе, чем все эти спектакли заканчиваются, – усмехнулся Олег, глядя на дорогу. – Знаем, плавали. Если не сделать некоторые упреждающие шаги, то потом другим людям придется расплачиваться. Официантам или, что скорее всего сегодня произошло бы, – нашим с тобой бывшим однокурсникам.

– Почему?

– Потому что это *Броня*, – мрачно произнес Олег. – И вообще, ты хотела, чтобы тебе обе руки там оторвали? Тебе, надежде нашего вуза...

– А почему ты с Броней не остался?

– Потому что я для нее – что-то вроде красной тряпки. И вообще, зря я сегодня пришел.

– Броня все равно напала бы на Алину, потому что Витя Борташевич эти дурацкие фото принес.

– Ну, все я тоже предусмотреть не могу... – засмеялся Олег, потом вдруг затормозил у набережной: – Ты не торопишься? Чего-то я... Потряхивает немного. Давай пройдемся.

– Хорошо.

Они вышли из машины, побрели вдоль гранитной ограды, за которой внизу, в каменном русле, плескалась река. Темная вода отражала луну и вдруг вспыхнувшие фонари на набережной.

– Расскажи о сыне. Какой он? – с любопытством спросила Зина.

– Он? Несчастный, – не задумываясь, ответил Олег. – Большой тысячью недугами и, по моему, уже немного сумасшедший.

– Ты меня пугаешь.

– Я пытался его взять к себе, думал судиться, но Броня с ее маман... – Он не договорил, махнул рукой. – Я не жалею, ты сама спросила, между прочим.

– Броня так обижена на тебя, оказывается... До сих пор!

– Да, уже все в курсе. Я бы согласился, что это я подлец, и мое скотство – причина наших бед, но, ты знаешь, *там* – уже третье поколение страшно обиженных женщин. Бабья яма. И злодеи-мужья. Злодей-дедушка, который сбегал к балерине, и его песочили на всех парткомах, пока не довели до инфаркта, злодей-отец (маменькин муж и, соответственно, отец Брони) – известный профессор, с регалиями, квартирой в «сталинке» и дачей... Причем он, как и дед, тоже оставил все жене, я не шучу – *все*, жил потом со второй женой в коммуналке, и все равно – презираем и поносим. Ну, и я, до кучи, очередной подлец-изменщик. Я виноват, я не скрываю это, и я тоже все оставил Броне – свою квартиру, именно свою, доставшуюся от родителей, дачу и машину, десять лет работал на ипотеку, потом родная тетка мне завещала кой-чего... И это я, кстати, тоже должен сейчас все официально передать Броне, иначе я подлец и сволочь.

– Ты шутишь? – с удивлением спросила Зина.

– Я абсолютно серьезен, – расхохотался Олег. – Да, ты только не думай, что я из тех, кто давит на жалость... Ну вот захотелось тебе открыться, невозможно всю жизнь молчать!

– Спасибо за доверие, – тронула его за локоть Зина. Произнесла с иронией, словно подыгрывая: – Ой, а я-то какая несчастная, в шестнадцать забеременела, в семнадцать родила, беременной на школьный выпускной ходила... Позор – шипели мне – даже не в спину, в лицо. И ничего, – беззаботно произнесла Зина. – Живу и счастлива.

– А муж? Ну, отец твоих сыновей...

– Ты не помнишь? Я с ним развелась еще на первом курсе. Нет, большое спасибо Юрию, у нас была свадьба, все прилично, как у людей, он ушел уже после, когда сыновьям месяца два уже исполнилось, а чуть позже мы с ним официально развод оформили...

– Он помогал тебе?

– Платил алименты, спасибо ему, правда, что называется, с официальной зарплаты, так-то он, как я понимаю, очень неплохо зарабатывал... Сейчас он и вовсе крупный бизнесмен, апартаменты в престижном районе, недвижимость за границей, вклады в разных валютах, сам признался... И чем я лучше твоей Брони, вот, тоже денежки бывшего мужа считаю...

– Все равно вашим сыновьям его богатства потом достанутся! – улыбнулся Олег.

– Нет, нет, я и не надеюсь! – вновь шутливо подхватила Зина. – У него новая жена, и там две дочери – не его. Не от него. Дети от первого брака жены, но Юрий их как родных любит. Он официально Петру с Павлом сообщил, что им в случае его смерти ничего не достанется, он все юридически тонко оформил. Деньги пойдут только девочкам, ему не родным, детям его второй жены. И это, быть может, даже правильно – потому что мои мальчишки живут, надеюсь только на себя... И мне не приходится расслабляться, я живу, не клянча милостыньку. Я свободна, – легко, даже с радостью, призналась Зина. – К тому же я делаю то, что мне нравится...

Она тоже никому об этом не говорила, но сейчас вдруг потянуло на признания. Наверное, потому что и Олег подобное чувствовал?

– А я картины реставрирую. Интересное занятие. И антикварную мебель... но это уже ради денег, я говорил. И что ты думаешь – неплохо зарабатываю. И мне нравится то, что я делаю. Блин, да я тоже счастливый человек! – воскликнул Олег.

– Расскажи о своей профессии. Вернее, о том, что ты делаешь с мебелью. Про художников, живопись и прочее изобразительное я и так знаю, а вот это направление, мебельное, мне не очень известно...

– Ну что. Покупает человек какую-нибудь антикварную вещь или откапывает ее у себя где-нибудь на чердаке и решает ее отреставрировать. И я... в общем, ты знаешь, я себя в какой-то мере врачом чувствую, – признался Олег. – Я занимаюсь тем, что спасаю старые вещи. Иногда хватает того, что просто чищу их. Удаляю грязь и пыль с поверхности... И того вполне хватает. А иногда приходится все полностью переделывать, заменять некоторые части изделия... Меняю обивку, усиливаю каркас у какого-нибудь старинного дивана, ищу целые пружины... Используя старинные детали, клей – не современный, а аналогичный тому, что использовался в прошлом...

– Можешь фото прислать, с описаниями? – вдруг загорелась Зина. – Я в своем блоге опубликую. Рассказ о работе реставратора мебели!

Олег вдруг замолчал, потер кончиком пальца переносицу, задумался. «Кажется, я погорячилась, – спохватилась Зина. – Это у меня уже профессиональная деформация – я использую людей для своей цели!»

– Зачем фото, – сказал Олег. – Приезжай ко мне, я тебе все сам покажу и расскажу. И сама фотографируй сколько хочешь – что это такое, процесс реставрации антикварной мебели. Получится познавательная статья для твоих читателей... Можно без моей физиономии, чтобы рекламой не казалось.

– А куда ехать? – растерялась Зина.

– Вот, – Олег протянул ей визитку.

– Ладно. Это интересно... – пробормотала Зина задумчиво.

Олег довез ее до дома, помог выйти из машины, на прощанье дружески чмокнул в щеку.

Оказавшись у себя, в родных стенах, Зина долго не могла прийти в себя. Ходила по комнатам, сжав руки, и вспоминала события сегодняшнего вечера. От драки двух бывших однокурсниц и до своего поцелуя с Олегом. Хотя поцелуй, однозначно, был без всякого подтекста, без намека на эротику. Сердечное прощание двух старых знакомых и ничего больше.

Но теперь Зина окончательно запуталась. Что же она на самом деле испытывает к Олегу сейчас? Это наваждение или это любовь? И была ли она в него влюблена ранее, в институтские годы? Она, девочка без юности, из детства сразу попавшая во взрослую жизнь, в которой уже не существовало ни свиданий, ни сомнений, ни смутных мечтаний... одна нелегкая реальность.

Зина не поменяла бы свою жизнь ни на какую другую и ни за что бы не отказалась от своих сыновей, но получить бы в подарок хоть немного той безумной эйфории, что досталась многим другим – юным и беззаботным... Многим, но не ей.

* * *

Олег с самого начала, когда только получил приглашение от Векшина на встречу выпускников, уже мог предположить, что ему не стоит туда идти. Потому что есть вероятность, что на эту встречу явится и Броня, его бывшая супруга.

Именно поэтому Олег игнорировал все предыдущие приглашения от приятелей. Но пятнадцать лет после выпуска – серьезная дата... Олег хотел встретиться с однокурсниками, хотел вновь окунуться в институтские воспоминания – ведь это было чудесное время, даже несмотря на то, что на последнем курсе он сошелся с Броней. Тогда, в те далекие времена, жизнь казалась веселой и легкой, будущее виделось радостным и приятным.

Олег все же решил идти на встречу. Он так *хотел*.

С самого утра того дня, на который была назначена встреча, ему начала названивать Броня. Сорок восемь пропущенных звонков – это вам не шутка!

Скорее всего Броня тоже пожелала отправиться на встречу и потому спешила предупредить бывшего супруга: а ты даже не смей там появляться. Можно было, конечно, ответить на звонки и попытаться договориться с Броней – знаешь, дорогая, я тоже мечтаю попасть на встречу, давай попробуем спокойно, не обращая внимания друг на друга, отпраздновать круглую дату, ведь она касается нас обоих...

Но дело в том, что с Броней было невозможно договориться. Либо подчиняешься ее требованиям, либо идешь наперекор. Кстати, подобный кошмар случался каждый год, в это же самое время: «Ты скотина, у твоего сына день рождения, не приходи, не смей портить нам праздник!» И тут же: «Ты скотина, где ты шляешься, у твоего сына праздник, ты забыл?!»

В результате получалось следующее: Олег являлся на день рождения сына позже всех, когда гости уже разошлись, чтобы, с одной стороны, не бесить Броню, с другой стороны – доставить радость Стиве. Папа не забыл о сыне! Но каждый раз на Олега обрушивался град упреков: «Как ты посмел, ты опоздал и что за дрянь ты решил подарить сыну!» Олег честно пытался изменить этот зловещий алгоритм, пару раз являлся к сыну вовремя, но тогда в середине вечера, посреди праздничного застолья, Броня вдруг разражалась слезами и убегала на кухню, и гости в полном составе смотрели на Олега с отвращением (поскольку Броня напоминала всем утешавшим ее – а ведь муж мой загулял тогда, именно в этот день, когда я кричала от боли в родовых схватках...).

Слезы, крики. Бывшая теща: «Уходи! Ты опять ее довел! Уходи!»

И он уходил, что поделать.

Некоторые из знакомых, узнав о той ситуации, что сложилась у Олега в семейной жизни, советовали: «Ты же мужик. Поставь бывшую на место. Выкати свои условия!»

Но проблема заключалась в том, что Броню невозможно было поставить на место. Если Олег начинал твердо и жестко отстаивать свою позицию, то, судя по всему, Броня испытывала хищную «радость». О, как она умела беситься и скандалить. Некоторые из особо экстремальных советчиков рекомендовали Олегу надавать Броне оплеух – дескать, подобный тип женщин только того и ждет, тресни ее, она сразу шелковой станет...

Не факт. Битьем Олег дал бы в руки бывшей супруги карт-бланш, лишний рычаг – давить на него: «Ты, Зоммер, не просто подлец, а еще и садист...» И тогда бы уже полиция, суд, крик на весь мир.

Невозможно всю жизнь расплачиваться за одну ошибку. Даже убийц – и то выпускают на волю после долгих лет отсидки. Да, убийца убийцей и остался, но ископил вроде как...

Олегу же искупления не полагалось: он должен был расплачиваться за свой проступок всю жизнь.

Что при этом чувствовал сын, Олегу даже представить было страшно.

«Броня, ты понимаешь, что ломаешь психику Стиве? У него и так куча болячек, то понос, то рвота, он не спит ночами от приступов удушья, не вылезает из больниц, в очередной школе он опять отверженный, у него нет друзей, за что ты его так?»

«Я?! При чем тут я, это все твоих рук дело, это ты превратил мою жизнь, жизнь нашего Стивы в ад!»

Да, тут еще не забыть бы Анну Георгиевну, маман Брони, самую настоящую фурию, которой дозволялось все, ибо она человек в возрасте. Анна Георгиевна выступала с Броней единым фронтом против Олега – подлец, скотина, испортил жизнь.

Подруги Брони тоже умели подлить масла в огонь. При Броне, разумеется; наедине с Олегом они вели себя иначе. Гадкий и сладкий, как откровенно выразилась одна из Брониных подруг, как-то столкнувшись с Олегом вне дома, в городе.

Олег тогда никак не отреагировал на этот липкий комплимент, прошел мимо. Броне ничего не сказал, как, впрочем, и в других подобных случаях. Он даже думать не хотел о Брониных подругах – нарочно они это делали или вполне искренне себя вели... Плевать.

Да и вообще, лучше молчать. Не трогать, не прикасаться, не баламутить воду.

Вот именно поэтому он и проигнорировал сорок восемь входящих звонков, ибо знал, что словами ничего не решить. Лучше все оставить как есть – по крайней мере, существует вероятность, что Броня на людях поведет себя адекватно и не станет закатывать скандал.

Перед встречей Векшин в переписке рассказал Олегу коротко, кто где сейчас из бывших однокурсников, чем занимаются. Упомянул в том числе и о Зине Ромашовой: «Помнишь, такая, с большими глазами, тихоня, вечно торопилась домой, молодая мама двух детей? Сейчас известный блогер, рассказывает людям о живописи и очень интересно это делает, даром, что ли, ей премию в том году дали, за популяризацию искусства... А, и даже книга у нашей Зины вышла» – «Молодец! – восхитился Олег. – Я ее почти не помню, правда...»

Олег нашел блог своей бывшей однокурсницы, пишущей под ником «Ромашка», быстро проглядел последние посты – как все живо, увлекательно и в то же время «остро» написано. Вполне достойно премии. Зина определенно умничка. Надо ее книгу заказать, поддержать приятельницу.

Вообще, многие из их выпуска, судя по рассказам Векшина, тоже как-то интересно устроились в жизни, и, безусловно, Олегу хотелось и с ними встретиться... Алина?

Об Алине до Олега иногда доходили слухи – прекрасна по-прежнему, «лицо» известного итальянского мебельного бренда, а владелица бренда – ее покровитель и поклонник. В разговоре, вернее, переписке с Олегом Векшин подтвердил эту информацию.

Чего врать самому себе – сердце у Олега дрогнуло, когда он вспомнил об Алине Великой.

Он ее любил когда-то. Сходил с ума по этой девушке.

Первые несколько курсов они с ней... дружили, да. Или как еще назвать непринужденное общение в юношеской тусовке, когда толпой – и на лекции, и после лекций, и в кафе, когда все вместе и все хохочут... Алина – чуть старше по возрасту, у нее уже имелся поклонник, начинающий и очень модный режиссер.

Что касается Олега, то он в те времена гулял со всеми девушками направо, но ничего долгого и всерьез, и его все знали как бабника...

Броня. Ну да, очередная, на четвертом курсе. Очень видная, красивая девушка, с большой грудью и гривой светлых волос. Громко смеялась, однажды заплакала, когда оказались одни – так трогательно... Поцеловал, она ответила.

Закрутилось. Сказала, что бесплодна и оттого такая несчастная. Олег поверил – потому что видел, сколь Броня действительно несчастна порой. Ему просто стало жалко ее.

Через три месяца этих встреч Броня призналась, что ждет ребенка. «А как же бесплодие?» – изумился Олег. «Чудо!» – воскликнула Броня со слезами на глазах. И добавила, что собирается рожать, поскольку эта беременность, быть может, ее единственный шанс в жизни стать матерью.

Олег, как честный человек, предложил пожениться. Особо не думал, скорее испытывал некое безразличие к происходящему. Надо так надо, какие уж тут раздумья...

У Брони с самого начала беременности разыгрались гормоны – она принималась то плакать, то смеяться. Требовала слов любви и радости. Олег честно все эти слова выдавал ей, но Броня хотела большего накала эмоций. Ползай на коленях, клянись в вечной любви, обожай! Но и пальцем не смей прикоснуться, поскольку одновременно с беременностью она переселила Олега в другую комнату. Соответственно, ни секса, ничего...

Объяснила это Броня тем, что, в связи с ее положением, у нее обострились все чувства, и особенно слух и обоняние. Олег, по ее словам, «свистел носом во сне», и еще от него «пахло мужиком». Олег принялся честно мыться четыре раза в день, но Броня продолжала морщиться – пахнет и все, и от этого «животного, бесстыдного, отвратительного, козлиного запаха» ее тошнит.

Ну да, у беременных часто капризы, надо терпеть и понимать. И интим порой им не нужен, вызывает отвращение, это нормально и, в общем, не смертельно... Олег был готов все это терпеть и терпел, но вместе с тем это так паршиво – чувствовать себя изгоем в собственной семье. Видеть постоянно на лице жены – гримасу отвращения и настороженности. Ради любви что угодно можно вытерпеть, все «беременные» закидоны, но... любви-то как раз и не было между молодыми супругами. И ни одного намека на то, что Броня ценила своего мужа – ну хотя бы улыбнулась лишний раз, поцеловала... пообещала бы что-либо из серии – вот рожу, и тогда... Нет. Ничего и никак. Ни словами, ни поступками она не показывала своей любви. Наоборот – одно отвращение.

И что интересно... Насколько Броня демонстрировала к мужу отвращение, настолько весь остальной мир, то есть женская его часть – наоборот, выказывал Олегу расположение.

Девушки ему улыбались, были щедры на дерзкие комплименты, и все их поведение – прикоснуться, приблизиться, уткнуться лицом, вдохнуть запах, чуть не облизать, обнять – говорило об обратном, что он, Олег, как мужчина – не просто желанен, а *очень* желанен.

Вот скажите, как не сойти с ума в такой ситуации?!

Олег честно терпел напор слабой половины человечества, никак не отзывался на те намеки и заигрывания, что сыпались на него на каждом углу, от знакомых и от первых встречных девушек и женщин...

Последние экзамены, защита диплома – хоть как-то отвлекли.

Броне удалось с этим разобраться чуть раньше, институт пошел ей навстречу. За неделю до родов ее положили в больницу – поспособствовала подруга Анны Георгиевны, заслуженный гинеколог, хотя у самой Брони никаких особых проблем не наблюдалось. Один лишь страх, большой страх перед родами. И в этом, кстати, тоже был виноват Олег – поскольку ему-то не мучиться!

А потом случился тот самый злополучный выпускной.

Уже бывшие однокурсники собрались, чтобы отметить свое прощание с «альма-матер» в ближайшем к институту кафе. Напились, конечно, орали, хохотали, ликовали, танцевали от души. В кафе к подобным застольям привыкли, собственно, это заведение и жило за счет студентов и их вечеринок.

Полутемный зал, гирлянды огней, как на Новый год.

Алина в этот вечер выглядела как-то особенно хорошо. Смеялась звонко, смотрела только в глаза Олегу. В голове у него сидела услышанная от кого-то фраза: «Наша Алина теперь свободна, модный режиссер ее бросил!» А у Олега все дрожало внутри. Он сам пригласил ее на танец.

– Где же ты была раньше? Велинская, я ведь тебя любил, знаешь.

– Нет, это я всегда тебя любила. И сейчас люблю.

– А смысл... Поздно, Велинская. У меня жена в роддоме. Я без пяти минут папа. – Он говорил тогда весело, пытался шутить. Алина тоже не отставала:

– И что? Женатый не значит мертвый.

После вечера они ушли вместе. К Алине домой. Олег вообще ни о чем не думал, словно та пружина, которая сжималась у него внутри все эти последние месяцы, резко раскрутилась с такой силой, что ее не остановить никакими доводами разума, никакими напоминаниями о морали и нравственности. Олег долго терпел, но в этот вечер его терпение просто лопнуло.

Он запомнил эту ночь надолго. Ну, во-первых, потому, что столь острые ощущения невозможно забыть, во-вторых, Анна Георгиевна потом, наутро, добавила перцу. Как так, зять дома не ночевал, когда жена в роддоме!

Они все, кстати говоря, тогда жили вместе, в квартире жены, поскольку Броня заявила, что первые месяцы ей понадобится помощь мамы.

Олег объяснил теще свое отсутствие тем, что выпускной как-никак, все гуляли, что такого...

Анна Георгиевна не поверила ему и отправилась расспрашивать однокурсников. Кто-то, видимо, из старых товарищей раскололся, сказал женщине, что ее зятек танцевал весь вечер с первой красавицей вуза, а потом ушел с той куда-то в ночь.

Анна Георгиевна пыталась найти и Алину, но не получилось. Телефон и адрес этой девушки – в записных книжках Брони – отсутствовали, а на откровенную подлость – выдать Алину разгневанной тетке – никто из однокурсников, вероятно, не решился.

Тем не менее полученных сведений Анне Георгиевне хватило с лихвой. Танцевал? Пошел провожать? Ночью не явился? Значит, изменщик.

Олег клялся и божился, что никакой измены не было, но – бес-по-лез-но.

«Анна Георгиевна, вы мне не верите – ну и ладно, но, я вас прошу, не говорите ничего Броне!» – пытался втолковать теще Олег.

Броня родила. Олега к ней не пустили по наказу той гинекологини, что заведовала отделением и являлась знакомой тещи, а вот саму тещу пустили. И тут случилось самое худшее. Теща все рассказала дочери. У Брони сразу слезы, истерика, температура сорок, мастит, лекарства, антибиотики, и, как следствие – пришлось перейти на искусственное вскармливание. У ребенка – «животик» и куча проблем от всего этого.

Не скоро, но Броню с ребенком выписали. Потом несколько месяцев кошмара дома. Истерики, слезы, крики, Анна Георгиевна пыталась бить Олега – он не отвечал, конечно, но ставил ей «блоки», а она вопила: «Убери руки! Я хочу тебя ударить!»

Олег не выдержал и ушел из дома. Некоторые из знакомых перестали с ним здороваться. Такой подлец, еще поискать – изменил, затем жену с ребенком бросил.

Пара месяцев тишины, и, о чудо, Броня сама явилась к Олегу – тихая, милая, как будто прежняя...

В первый раз им удалось нормально поговорить. Олег опять же вел себя как кремень – в своей измене не признался (только танцевал, только до дома проводил Алину, ничего больше!), и Броня вроде как поверила ему.

Олег смог, наконец, объяснить жене, как он видел всю эту ситуацию, каково ему было – в тещиной квартире, в отдельной комнате, одному, когда ни слова доброго, да еще и без интима. Ему, молодому мужчине. Броня неожиданно согласилась с мужем – да, да, она была не права...

От такой жизни любой мужчина начнет смотреть на сторону. Олег также заявил Броне, что у него есть подозрения на ее счет – она его обманула и придумала про бесплодие. Хотя, конечно, он сам дурак, раз поверил в это и потерял бдительность.

«Ты считаешь, я тебя нарочно обманула?!» – фонтан слез в ответ. Хоть и задыхающаяся от рыданий, Броня вдруг призналась, что этот диагноз ей поставила та самая гинекологиня, соответственно, к той и претензии. Ну или Броня тогда просто не поняла врача... А еще у Брони, оказывается, вагинизм («Что это такое?!» – изумился Олег) – и ей с самого начала было больно и неприятно заниматься любовью, и даже больше того – она ни разу в жизни не испытывала того, что принято называть «высшей точкой наслаждения». А еще, когда Броне было двенадцать, ее в подъезде напугал эксгибиционист, и с тех пор она в глубине души вообще всех мужчин боится. А еще у нее, возможно, послеродовая депрессия!

Олегу в тот момент, после этой неожиданной исповеди, стало вдруг искренне жаль жену. Нет, он уже не любил ее, совсем не любил, но опять защемило сердце – бедная, глупая... Ради сына он предложил восстановить отношения теперь уже на его условиях: переселиться к нему от Анны Георгиевны, Броне – лечиться у какого-то другого гинеколога, а еще у психолога или даже психиатра... и вообще, им обоим, Броне и Олегу – в семейную психотерапию, наверное, надо обратиться...

Броня смиренно согласилась со всеми этими условиями.

Переехала со Стивой к мужу.

Но ровно через две недели опять все пошло наперекосяк. Броня решительно не желала идти к врачам и решать семейные проблемы. Выдала Олегу, что это он ее нарочно к психиатру отправляет – чтобы доказать, что она невменяемая и отнять у нее ребенка.

Олег тогда ушел из собственного дома. Ну не выгонять же жену с младенцем, правда?..

...Было в его жизни, после Брони, еще несколько романов, но каких-то на редкость неудачных. Кажется, нормальных женщин вовсе не осталось. Последние несколько лет Олег уже ни с кем не встречался. Стал кем-то вроде асексуала, то есть человека, далекого от отношений. Кстати, модное нынче течение, поскольку, судя по всему, секс потерял прежнюю власть над людьми, утратил прежнюю значимость. У многих открылись глаза – а и правда, зачем придавать столько значения этим коротким и однообразным движениям, не стоят они того – живут же монахи в безбрачии, отвергнув эту сторону человеческого бытия.

После Брони Олегу ни секса, ни любви уже не хотелось вообще. Вернее, хотелось, но он научился справляться со своими желаниями, не идти у них на поводу.

Хотя женщины продолжали преследовать Олега. Буквально. Ходили следом, смотрели в глаза, прикасались, в открытую предлагали себя. В те времена в сети много разговоров было о том, как мужчины преследуют женщин и сколько насилия, издевательств приходится терпеть слабой половине человечества.

А мужчины почему-то молчали, не говорили о себе, о том, что и женщина может стать демоном для своего мужа, для своих детей. Женщинам прощалось все, мужчине – ничего.

Олег прекрасно понимал, что если он, красивый, очень красивый мужчина, вдруг начнет говорить открыто о том, что женщины тоже способны навязываться сильному полу, то его просто засмеют. Кстати, понятно, почему другие мужчины молчали. Мужчинам ни в чем нельзя признаваться. Плохо? Помирай, но чтобы ни звука, ни одной жалобы.

И Олег молчал и никому не высказывал своих претензий. Он просто отказался от любых отношений, даже «одноразовых», на одну ночь.

При этом он всегда оставался вежливым, воспитанным человеком: пропускал женщин вперед, подавал пальто, пододвигал стулья, провожал иногда до дома.

Его вежливость (обычную вежливость, ничего более!) – женщины воспринимали как внимание к себе, как комплимент, как приглашение к знакомству, к любви.

Быть красивым, очень красивым мужчиной – тяжелое испытание.

Надо постоянно быть начеку. Ловко ускользать из двусмысленных ситуаций, не обращать внимания на женские истерики, нутром чуют, что вот скоро, в такой-то момент – возможна провокация. И поэтому лучше не доводить дело до опасного поворота.

Чем осторожнее вел себя Олег, тем навязчивей становились дамы. В его жизни было семь (да, семь, именно семь!) предложений от женщин разной степени убедительности подарить им ребенка. Женщины мечтали о красивом ребенке. Клялись-божились, что никаких претензий потом к Олегу не предъявят, на алименты не подадут...

Олег ни разу не согласился. Ни одной из этих женщин не поверил, у них на поводу не пошел. Жалость, как он давно уже понял, самый плохой помощник в жизни.

Олег охотно общался лишь с теми женщинами, которые никак не проявляли себя как слабый пол и не пытались строить глазки. Ну вот как Зина Ромашова, например. Когда только друзья, и ничего больше!

...В полдень, как они договаривались накануне, к дому Олега подъехала на такси Зина.

Вышла из машины и, несмотря на протесты Олега, сама расплатилась с водителем. Зашагала к воротам немного раскачивающейся, «матросской» походкой. Олег словно впервые увидел свою бывшую однокурсницу. Зина, оказывается, невысокая, худощавая, и одета она сегодня просто – в темно-синие джинсы и белую рубашку навыпуск. Довольно длинные, прямые, темные волосы заправлены за уши, челка закрывает лоб, вдоль щек висят длинные серьги в виде гроздьев винограда...

Олег шагнул вперед, распахнул перед ней калитку, улыбнулся:

– Как доехала? Ты в порядке? Кофе?

– Немного укачало... Нет, все в порядке уже, ничего не надо. Далеко ты спрятался.

– А иначе нельзя. Раньше занимался реставрацией мебели в городе, в квартире, но это пыль, запах лака...

– Ну-ка, покажи, как ты живешь! – задорно произнесла гостя.

Олег прогулял ее по участку – большому, засаженному кустами ягод, – и сначала повел не в мастерскую, а в дом – двухэтажный, небольшой.

Как и следовало ожидать, Зина оказалась поражена:

– Олег! Что это? – Она сделала круг по анфиладе комнат и остановилась как вкопанная посреди гостиной: – Сапожник без сапог?!

Олег засмеялся.

Он прекрасно понимал чувства Зины, да и многие гости точно так же реагировали на обстановку в его доме.

У него, реставратора старинной мебели – и ни одной антикварной вещицы в интерьере?.. Да и самого интерьера, как такового, тоже нет – одни безликие и очень простые конструкции из известного шведского магазина. Скучные и гладкие шкафы и полки из ДСП. Словом, ширпотреб и дешевка (ну, относительная, конечно).

– А вот так. Жизнь – это одно, работа – совсем другое, – он пожал плечами. – Идем в мою мастерскую...

В мастерской Зина тоже испытала шок – бегала по огромному гаражу, который Олег приспособил для своих реставраторских дел, рассматривала старинные шкафы, серванты, кресла; ее также заинтересовали полки с инструментами, которыми Олег пользовался для того, чтобы чинить мебель.

Как оказалось, Зина отлично разбиралась в стилях и направлениях прошлых эпох и примерно представляла то, чем занимается ее бывший однокурсник.

Было одно удовольствие с ней болтать – словно со старым коллегой по цеху. Кое-чего, каких-то нюансов, Зина, разумеется, не знала, и Олег с удовольствием рассказывал ей подробности своего ремесла.

– ...Конечно, это не музейная реставрация, когда вещь словно консервируют для того, чтобы сохранить ее в том состоянии, в котором она сейчас. Я занимаюсь коммерческой реставрацией. То есть после нее – старинной вещью вполне можно пользоваться потом, держать ее в том месте, где человек живет.

– А почему ты не пользуешься результатами своего труда?

– Ты о том, что в доме у меня сплошная штамповка? Зато в доме тихо. И я один.

– Потому что за каждой старинной вещью целая история и множество людей? – сказала Зина. – И нет ощущения покоя, и словно само прошлое говорит с тобой, а ты хочешь помолчать...

– Да! – обрадовался Олег. – Ты понимаешь.

– Это нормально. Как и офтальмологи в очках, и стоматологи с кривыми зубами, и парикмахеры с «вороньим гнездом» на голове... Профессионал должен думать о своем деле, а не о себе. Да, человек в наше время – витрина своего дела, обязан выглядеть соответственно, но... – засмеялась Зина. – Мне тоже нечто подобное не раз высказывали – Зина, ну вот ты искусствовед, где красивые и вычурные наряды, где сложные прически, ты должна выглядеть как картинка. А меня это утомляет – еще и о себе думать. Я вот лишь сережками увлекаюсь, это моя слабость.

– Я заметил!

– Расскажи мне вот об этом комодe – конец девятнадцатого века, да? Красивая вещь, изумительная резьба. Какие были этапы реставрации, какие сложности...

– Конечно. У меня и фото есть на всех этапах, я тебе на почту скину. Что было и что стало. – Олег прикоснулся к нежной, гладкой поверхности старинного комода, который теперь выглядел идеально. Древесина мерцала мягким шелковистым блеском – ни царапин, ни следов от жучков, сложная резьба на фасаде, изображавшая псовую охоту, полностью восстановлена.

После экскурсии в мастерскую Олег повел Зину на веранду – угощать.

Пили чай, опять болтали о старой мебели и даже не вспоминали недавние события, случившиеся на встрече выпускников. Словно не было той драки в ресторане и затем взаимных исповедей о личной жизни...

Олег хотел проводить Зину до города или хотя бы до станции, но она отказалась, вызвала такси и скоро уехала.

После ее визита Олег чувствовал себя странно – возникло ощущение того, что чего-то недоговорил, не все успел показать Зине. Тогда он отослал ей кучу фотографий на ее электронный адрес и специально попросил, чтобы Зина не упоминала его имени в своей статье. Она ответила спокойно: «Да, хорошо, не буду, но – люди мне часто пишут в «личку», спрашивают совета, думаю, что и в этот раз спросят о тебе, как о реставраторе, захотят обратиться за заказами. Я дам твои координаты, зачем отказываться...» Олег согласился с ней.

Смысл стесняться рекламировать себя, если делаешь свое дело хорошо?..

Утром заглянул в интернет, в блог Зины, и увидел уже готовую статью – снимки того самого комода, этапы реставрации. На каком-то фото в зеркале все-таки мелькнуло лицо Олега. Но что такого?

Рассказ у Зины получился и лаконичным, и в то же время исчерпывающим. Это как с учителями, преподавателями – один говорит вроде понятно, а ничего в голове не остается, а слова другого сразу и намертво в мозг впечатываются. И все понятно и просто.

Вероятно, у Зины, как у блогера, имелся особый дар рассказчика.

И публика в комментариях тоже восхищалась – надо же, как преобразили старинную вещь! Многие, вдохновившись, тоже решили отреставрировать те предметы быта, что у них стояли дома – либо сами, либо пользуясь услугами реставратора.

К вечеру следующего дня комментариев под тем постом у Зины набралось уже на несколько страниц. Олег прочитал их все. И все ответы Зины.

Ему нравилась та простота, с которой эта женщина общалась с людьми. Легкая ирония, никакой агрессии. Юмор перемежался с конкретными разъяснениями, хамов Зина ставила на место. Эмоций – минимум, Олег не терпел истеричных блогеров, а тут прямо поразился, насколько Зина, оказывается, выдержанный человек.

Чем дальше, тем сильнее она нравилась Олегу, его бывшая однокурсница. Не как женщина, конечно, а как интересный и очень хороший человек. Друг! Да, друг, с которым приятно общаться, не ожидая подвоха.

Олег принялся читать предыдущие ее посты. Провел за этим занятием весь вечер и ночь, перелистал журнал искусствоведа «Ромашки» полностью, забыв о сне, с какой-то жадностью. Ну вот же, вот она, та самая нормальная женщина, веселая и умная, не способная к примитивному кокетству!

Хотя неправда, Зина вполне способна к кокетству, некоторые ее комментарии были полны им. Но опять же, никакого намека на липкую, удушающую навязчивость, а это – просто милая игра с противоположным полом, ничего больше.

Олегу, углубившемуся в чтение блога, в какой-то момент вдруг показалось, что один из комментаторов, какой-то мужик судя по всему, явно преследует Зину – лезет каждый раз со своим мнением, из темы в тему, расточает хозяйке блога свои комплименты. И это почему-то стало неприятно Олегу. Что за тип, может, какой-то ухажер Зины из ее реальной жизни?.. Не разобраться пока. Впрочем, вон еще кто-то из комментаторов поет «Ромашке» дифирамбы, еще и еще... Получается, у Зины целая толпа поклонников?

Олег залез в альбом с фотографиями при журнале Зины и не без труда отыскал в этом ворохе «всего на свете» несколько крупных портретов своей бывшей однокурсницы и принялся напряженно разглядывать ее лицо, то приближая изображение на экране, то отдаляя...

* * *

Блогеров в наше время пруд пруди. Каждый второй.

Зина не считала свои записи в сети чем-то особо важным и ценным, она лишь рассказывала то, что знала об искусстве, о живописи, о художниках, о кино... Она просто болтала с людьми на темы, которые ей самой в первую очередь были интересны. В реальной жизни Зина являлась очень закрытым человеком, у нее не имелось близких друзей, и она ни перед кем не собиралась распахивать свою душу. А вот в сети – поди ж ты, поток ее мыслей и слов, оказывается, не остановить.

Обо всем, что она только что увидела, услышала, хотелось поведать своей аудитории. Зине были интересны и жизнь, и искусство, творчество. Ремесло – то есть как делалось технически то или иное произведение искусства. Ей хотелось показать красоту даже самых обычных, привычных вещей – конфетных оберток, столовых приборов, мебели.

Она заражала своим интересом аудиторию.

Тут подвернулся удобный случай – узнать особенности работы реставратора старинной мебели. Ну как не воспользоваться этим? Побывав в гостях у своего бывшего однокурсника, набрав материала, Зина быстро написала статью и опубликовала ее в своем блоге.

Людам эта тема показалась интересной – читатели отозвались множеством комментариев. Многие благодарили за интересный рассказ, кое-кто написал в «личку», прося координаты реставратора.

На второй день обсуждение этой темы чуть поутихло, и Зина переслала некоторые из писем своих читателей Олегу. Хоть Олег Зоммер и не рвался себя рекламировать, но, как Зина и ожидала, часть ее подписчиков заинтересовались мастером.

Олег ответил Зине благодарным, восторженным письмом.

В первый момент Зина даже опешила – сколько эмоций, однако! Она вдруг вспомнила, как Олег повел себя на выпускном в институте. Удалился в ночь с Велинской, в то время пока его жена рожала. До сих пор эта история аукалась ее участникам, до сих пор причиняла им боль. Значит, все же была, была какая-то червоточинка в этом красавце, не стоит о нем слишком долго думать. Как о мужчине, конечно.

Если раньше Зине удалось избежать влюбленности в Олега, то сейчас, под сорок лет, тем более не следовало терять голову.

Любовь прекрасна в юности, когда еще много иллюзий, когда сам воздух вокруг пьянит. А сейчас нет смысла мечтать о любви – вино давно превратилось в уксус. Если чего-то недополучила в юности, не надо искать этого в зрелости – так и отравиться можно. Да, она еще относительно молода, и впереди целая жизнь, но это уже другая жизнь. Другая история.

«Что мне ему написать-то в ответ? – задумалась Зина, глядя на монитор, на письмо Олега. – А, ничего не стану!» С возрастом к ней пришел и некий пофигизм. Она закрыла страницу с письмом. Или это работа наложила свой отпечаток? Когда не вполне реально ответить на все письма...

Зазвонил мобильный телефон, лежавший рядом, на столе. На экране высветилось имя абонента – «Юрий». В первый момент Зина даже не сообразила, что с ней хочет связаться бывший муж, потому что Юрий никогда не звонил ей. Последний раз, помнится, звонил лет пять назад, когда сыновьям исполнилось восемнадцать.

Юрий спешил сообщить тогда, что отныне, как он выразился, «перекрывает финансовый поток». То есть Зине не стоит ждать от него еще денег. Сыновьям Петру и Павлу исполнилось восемнадцать, и отныне они «должны сами думать о хлебе насущном», – тоже его выражение.

Должны так должны, сами так сами, Зина не стала тогда возражать мужу и сочла лишним напоминать, что сыновьям надо учиться, а пока они еще не встали на ноги, требуются деньги. Смысл твердить об очевидных вещах, если Юрий пока еще вменяемый человек? Знает, что почем. А если знает, то просто не хочет больше перечислять Петру и Павлу деньги. И бороться с Юрием тоже нет смысла – бывший муж дико упрям, до фанатизма, и у него есть способы уклониться от претензий со стороны Зины. У него есть и деньги, и связи, и юристы, чтобы отказать ей в помощи, пусть и ради детей.

«Да, хорошо, поняла тебя», – коротко сказала ему Зина тогда. Положила трубку, закусила губу до крови. И все, постаралась жить уже в новых условиях. К счастью, мальчики никогда не были ленивыми, всегда искали подработку.

Что же теперь понадобилось бывшему мужу?

«Да иди ты, – грубо подумала Зина, глядя на трезвонящий телефон. – Я тебе тоже ничего больше не должна!»

Звонки прекратились, но Зина напрасно вздохнула с облегчением – через минуту телефон вновь затрещал.

– Алло, – она не выдержала, решила все-таки ответить.

– Зинаида, это я. Здравствуй, – мрачным голосом произнес бывший муж.

– Здравствуй.

– Чего не отзываешься? Я звоню, звоню...

Зина промолчала.

– Чего ты молчишь?

Зина пожала плечами. Не для Юрия, для себя.

– Я вот тоже не могу парням дозвониться. Номера они сменили, что ли? – в голосе у Юрия звучала желчь.

– Каким парням?

– Пете и Паше, кому ж еще!

– А, да, они номера сменили некоторое время назад, – спохватилась Зина. – Я сейчас их тебе напишу, перешлю. Всего доброго!

Зина нажала на «отбой», затем в сообщении переслала Юрию номера телефонов их сыновей.

Зачем Петр и Павел вдруг понадобились Юрию, Зина спрашивать не собиралась. И ставить палки в колеса общению отца и детей тоже не хотела. Нужно отцу с сыновьями переговорить – да пожалуйста. О чем? А не ее это дело, смысл контролировать бывшего, да и взрослых уже, давно совершеннолетних и дееспособных сыновей...

Минут через десять телефон опять затрезвонил. Юрий.

– Алло.

– Зинаида, ну что ты за человек... трубки бросаешь! Они мне не отвечают.

– Значит, заняты. Потом перезвонят. У тебя все?

– Ну что ты за человек... – застонал Юрий. – Где они?

– Наверное, репетируют. Когда музыка орет, ничего не слышно.

– Они могут ко мне приехать?

– Что-то случилось? – Зину словно кто-то в грудь толкнул.

– Да. Я болен.

– Я могу помочь?

– Да. И они. Пусть. Сама дозвонись, – Юрий говорил странным, сдавленным голосом.

– Хорошо. Диктуй адрес.

– Сейчас. И привези чего-нибудь. Из еды. Только диетическое!

– Хорошо, – кротко произнесла Зина. Юрий тем временем продиктовал адрес больницы, в которой лежит. – Я приеду. Я – точно приду. Насчет Петра и Павла я не знаю. Я им скажу обязательно, но это уж как они решат, ладно?

– Ты им не мать, что ли?

– Я им мать. Но у них своя воля, – добродушно произнесла Зина. В трубке раздались короткие гудки.

Злость и раздражение против Юрия куда-то исчезли. Пусть он и не родной ей человек, но и не чужой. Хотя, конечно, странно, что Юрий обратился к ней и к мальчикам. А как же его нынешняя супруга, а как же девочки? Сколько им сейчас? Одной девятнадцать, другой вроде бы двадцать один, они ненамного младше сыновей.

Опять проснулся мобильный. Павел.

– Алло, мам, ты звонила? С нами все ок, мы репетировали. Слушай, Водовозов решил уйти из группы, а нам осенью выступать, мы с одним клубом уже договорились...

– Паш, погоди, не до того. Отец заболел, просил приехать.

– Отец?!

– Да, и меня просил приехать. Не знаю, что случилось, но он пока, судя по голосу, вполне себе бодр и способен говорить. Я поеду.

– А... И нам ехать?

– Это как хотите. Но он просил, да.

– А ты как думаешь, ехать?

– Да, надо, – просто произнесла Зина. – Это отец.

– Ладно. Скинь координаты, сейчас выезжаем.

Петр и Павел приехали в больницу первыми, Зина замешкалась, пока набирала в супермаркете диетической, на ее взгляд, еды. Обезжиренные йогурты с коротким сроком хранения, бананы, готовый детский кисель в бутылочках...

В регистратуре Зина спросила, в какой палате Ромашов, натянула поверх туфель бахилы, не сразу нашла нужную палату. «Странно, что Юрий делает здесь, это обычная городская больница...»

В палате, у кровати, на которой лежал Юрий, уже сидели сыновья. Обернулись с серьезными, печальными лицами, когда Зина вошла.

– Мальчики, вы уже здесь... Юра, как ты? – Она опустилась на стул, который ей освободил Петр.

Зина давно не видела мужа и только сейчас осознала, насколько сыновья похожи на своего отца. Та же цыганистая, черная масть, темные глаза и широкие подбородки. И эта вечная щетина, сколько ни брейся... Правда, у Юрия щетина была уже наполовину седой.

– Как я? Не очень. Чуть не сдох. Шел-шел и упал. Спасибо добрым людям, позвонили в «Скорую», – желчно произнес бывший муж.

Зина прижала ладони к щекам. Она не знала, что сказать, так ей стало жалко бывшего мужа.

– Что с тобой, Юра? Что врачи говорят?

– Пап, может, тебе в другую больницу перевестись, в какую-нибудь особую?

– Пап, да, если все так серьезно, то надо срочно обратиться к лучшим специалистам!

– Спасибо, ребята, – не сразу, глухим голосом отозвался Юрий. – О лучших специалистах, гм. Так что вы думаете, я последние полгода хреновато себя чувствовал. Ходил там к этим, лучшим... сколько денежек им перечислил, немеряно... И что? Вылечили они меня? Фиг вам! Даже диагноз толком не смогли поставить. Это счастье, что меня сюда привезли. Да, я целых два часа в приемном покое просидел, меня то на рентген, то узи, то живот мне мяли все подряд... И наконец поставили диагноз, представьте! Там полгода не могли разобраться, а тут прямо с ходу. Полипы какие-то у меня в кишках нашли. Скорее всего, доброкачественные, но надо удалять – могут переродиться. А если б я продолжал верить своему «лучшему специалисту», то точно до рака бы доходил.

– Юра!

– Пап, все будет хорошо!

– Папа, держись!

Наверное, со стороны они все сейчас смотрелись дружной семьей, преодолевшей не один десяток трудностей – отец с матерью, двое взрослых сыновей.

Юрий попытался встать, поморщился.

– Куда ты, лежи.

– Пап, скажи, что тебе надо!

– Помогите. До туалета хочу сам дойти, рано мне «утку» просить...

Петр с Павлом подхватили отца за руки, помогли встать, довели до соседней двери. Зина терпеливо ждала.

Сыновья помогли отцу дойти уже обратно, до кровати, уложили его.

– Спасибо, мальчики. А тут ничего, Зинаида, знаешь. Чисто, мыло есть, и туалетная бумага, и душ, и вообще... Вон кнопка вызова, сестра уже раз прибегала. Денег не берут, нельзя им. Ну так-то, конечно, можно отблагодарить потом... И чего я всю жизнь себе самое лучшее искал, был недоволен тем, что имею?

– А где твой помощник, Юра? – улыбнулась Зина. – Я помню, за тобой всегда какой-то помощник бегал, с блокнотиком.

– Северцев? В отпуск уехал. Все телефоны отключил. Имеет право. Я для него – работа и ничего больше.

– А... – Зина хотела спросить, где жена Юрия и дочери, но не стала.

Тут пришел целый консилиум из врачей во главе с заведующим отделением, и всех посторонних выгнали из палаты.

Зина с Петром и Павлом, перед тем как уйти, обещали зайти к Юрию завтра.

* * *

Алина Велинская никогда особо не следила за своими одноклассниками, однокурсниками, знакомыми, соседями – жизнь чужих людей ее не интересовала, но в последнее время женщину буквально потянуло на расследования. Кто где сейчас из старых знакомых, что делают, семейное положение, есть ли дети и сколько...

Вероятно, жизнь других стала интересовать Алину потому, что она стала сомневаться в том, правильно ли живет сама. А как это понять? Только сравнивая.

Когда все это началось?

Года три назад, наверное. Тогда умер отец. Матери было очень тяжело, она едва пережила эту утрату. Алина, как могла, поддерживала ее. Мама всегда казалась ей интересной моложавой женщиной, а тут вдруг выяснилось – нет, все не так, мама – самая настоящая старушка. А отец – образец настоящего мужчины, бывший боевой офицер, вечный боксер, спортсмен – и вовсе проиграл в последнем раунде с жизнью, его унесли с поля боя.

До смерти отца Алина чувствовала себя маленькой девочкой, а после – вдруг поняла, что детство кончилось и теперь она за старшую в их маленькой семье.

Именно тогда Алина принялась наблюдать за окружающими, своими ровесниками. А у них как? Как другие справляются с примерно такими же проблемами? Пока по-разному. У кого-то из знакомых родители были еще вполне бодры, у кого-то ситуация напоминала Алинину. В принципе все нормально, ничего необычного не происходит, решила Алина и на некоторое время успокоилась.

Но потом у Алины случился сбой цикла, и она решила, что беременна. Сообщила об этом Рикардо, а тот вдруг засмеялся в ответ – не может такого быть, дорогая. Почему не может? Потому что я сделал вазектомию. Но когда?! Давно, дорогая, лет двадцать назад...

Алина побежала к врачам – ну, раз Рикардо тут ни при чем, то, может, эта задержка – предвестник климакса? Или какой-либо болезни? Выяснила, что здорова, к счастью, что эта задержка ничего не значит, и вообще, до климакса ей далеко, и вполне еще можно родить самой ребенка.

Врач так и сказала Алине, с равнодушной деликатностью – если вы решитесь на ребенка, то у вас есть несколько лет в запасе. Думайте, все в ваших руках. Но не слишком долго, и еще что-то там мудреное добавила – про фолликулы и функции яичников.

Наверное, современных врачей уже научили держать свои замечания при себе – надо рожать женщине или нет, поздно или не поздно, счастье материнство или, наоборот, мұка... Никто теперь не лез к пациенткам с наставлениями и нотациями. Только сухие факты, только медицинские прогнозы, никаких эмоций.

Так что Алина даже не смогла обидеться на своего врача – та вела себя максимально отстраненно, профессионально-выдержанно. И, кстати, окружающие Алину люди тоже всегда отличались деликатностью – они никогда не напоминали женщине о ее возрасте и о том, что именно Алина уже должна сделать на этом этапе пути. Наоборот, люди всегда твердили ей одно и то же – вы прекрасны, вы великолепно выглядите, вы чудо. С советами и предостережениями тоже никто не лез, возможно, потому, что окружение Алины являлось воспитанным. А мама и вовсе обращалась к Алине – девочка моя. И как-то призналась, что она, конечно, желает своей девочке счастья, но сколь грустно, когда выросшие дети покидают родителей, уходят в самостоятельное плавание... То есть если правильно интерпретировать эти слова – мама не хотела, чтобы ее дочь куда-то уходила или как-либо меняла свою жизнь. Маму все устраивало в данный момент времени.

Но после всех этих событий – смерти отца, собственной несостоявшейся беременности – Алина задумалась всерьез о своей жизни.

А и правда, может, надо срочно что-то сделать?
Выйти замуж, родить ребенка, пока еще есть шанс?

Замуж Алина не хотела, потому что никогда не ощущала себя невестребованной, одинокой, мужчины всегда обращали на нее внимание, она, эффектная женщина, при желании могла бы себе найти кавалера. А замуж – это хлопотно, это скучно. И вообще, рядом с ней – Рикардо, он сто очков вперед окружающим Алину мужчинкам даст.

Дети. Дети – это тоже хлопотно и скучно. Не лучше ли отложить их рождение на потом, на более зрелые годы? В этом смысле антипримером для Алины всегда являлась ее однокурсница, Ромашова. Помнится, на первых курсах института у всех одноклассников – жизнь веселая, легкая, студенчески-сумасшедшая, а эта Ромашова – вечно в мыле, встрепанная, несуразная – то от детей прибежала, то опять спешит к детям. Ромашова родила очень рано, то ли еще в школе, то ли сразу после школы... Словом, девушка без головы на плечах, сама испортила себе лучшие годы.

Некоторое время после несостоявшейся беременности Алина жила себе спокойно, но потом, когда ей исполнилось сорок три, опять задумалась. Сорок три – это много. На следующий год – сорок четыре, а потом этот дурацкий юбилей, когда «ягодка опять». Опять, почему *опять*?! Алина всегда, всегда – ягодка и никогда не переставала ею быть, и в пятьдесят тоже никто не помешает ей оставаться ягодкой, наверное? Хотя пятьдесят лет казались Алине какой-то невероятной датой. Наверное, в пятьдесят уже точно не получится самой родить, хотя все это ерунда, есть же наука – ЭКО, суррогатное материнство...

Ну ладно, все еще впереди. Хотя непонятно, от кого рожать? «Рикардо, у тебя осталось что-нибудь? В каком-нибудь криобанке... Твое драгоценное семя. Наверняка осталось! Ты им со мной не поделишься?» – как-то раз в шутку (но в каждой шутке заключается доля правды!) спросила Алина своего возлюбленного.

Рикардо воспринял ее слова вовсе не как шутку. Поморщился. «Нет, дорогая, ничего я в банке не замораживал. Я не хочу лишних проблем себе от женщин, я так себя обезопасил. У меня есть дети, у меня даже внуки есть, и еще раз становиться отцом я не собираюсь. А какой это удар для моей жены будет, если она узнает о внебрачном ребенке?.. Нет, нет, моя семья – это святое».

Алине стало не по себе. Это что же тогда, бросать Рикардо придется, искать еще кого-то? И все ради какого-то ребенка? Покинуть замечательного мужчину, с которым ее связывают годы нежной любви и дружбы, с которым всегда интересно поговорить, общая работа... Тогда ведь и работу Алина тоже потеряет!

Так что, наверное, придется объявить себя чайлдфри и оставить все как есть. На этом Алине бы и успокоиться, но тут Рикардо начал себя как-то странно вести после ее заявления о криобанке.

Во-первых, Рикардо стал потихоньку отстраняться и все меньше времени проводил с Алиной. Во-вторых, заявил, что в его бизнесе наилучшей рекламой являются возрастные женщины, а не молоденькие девчонки. Что клиенты больше доверяют солидным дамам, представляющим бренд, чем молоденьким профурсеткам. Алину это высказывание очень порадовало, но Рикардо продолжил свою мысль далее – хотя *слишком* уж возрастным дамам доверия тоже нет, поэтому мебельный бренд должна рекламировать дама зрелая, но никак не пожилая...

Алина опешила от подобного заявления. Нет, Рикардо не утверждал напрямую, что она скоро станет слишком стара для того, чтобы быть рекламным лицом мебельного бренда, но... В сущности, ее босс и любовник примерно обрисовал картину ее ближайшего будущего. Намекнул о том, что, если Алина хоть чуть постареет, ее отодвинут.

Итак. Как уже было замечено, никто и никогда открыто не говорил с Алиной о ее возрасте. Ни окружающие, ни врачи, ни друзья – ибо и профессиональная этика, и неприлично вежливым людям, и неделикатно, и шовинизм, и эйджизм, и еще много чего запретного есть в

наше время. Но, получается, люди хоть не говорили об этом, а все равно думали на эти темы? Обходили острые углы, умудряясь тем не менее посылать какие-то сигналы, знаки? В недомолвках скрывали свои истинные чувства и намерения?

Только вот Алина, будучи человеком слишком простодушным и открытым, этих знаков и недомолвок почему-то не замечала раньше. А тут вдруг бах – оказывается, ей уже много чего поздно делать и еще много возможностей она скоро потеряет. В силу возраста. А с матерью все ясно, мать – эгоистка та еще, не хочет делить Алину с мужем и детьми, мать устраивает теперешнее положение дел.

И вот тогда Алина принялась осматриваться по сторонам, наблюдать за окружающими. Начала ходить по соцсетям, заглядывала на странички своих старых знакомых. Уже всерьез сравнивала свою жизнь с жизнью других.

Вечер встречи выпускников принес, с одной стороны, облегчение (оказалось, что среди однокурсников много таких же одиночек, как и она, Алина), с другой стороны... Алину больно уязвила Ромашова.

Не сама Ромашова, конечно, уязвила, скорее фактом своего нынешнего, благополучного существования она Алину ранила. Эта вечно встрепанная дурнушка Зина Ромашова превратилась вдруг в солидную, известную личность. Ну, внешне, конечно, так себе та осталась – короткие кривые ноги, мышинное личико, но Ромашова – личность, получается. Ромашова – личность, а не она, небесное создание, Алина Велинская!

И всего достигла, и слава у той, оказывается, и дети уже взрослые... Когда-то, в юности, в студенческие годы, Алина снисходительно, свысока, жалела свою замотанную бытом однокурсницу – бедняжка Зина, погубила свои лучшие годы, потратила их на соски да подгузники... А теперь, получается, ничего Зина не губила, а, наоборот, хитро выиграла у жизни. Выполнила раньше всех свои женские задачи и оказалась свободной и теперь преспокойно занимается интересным делом.

Зине уже ни о чем не надо думать, а Алине приходится голову ломать, как жить дальше.

Нет, окружающим, конечно, до сих пор кажется, что у Алины все в шоколаде, люди вообще судят поверхностно, не замечая тех проблем, которыми реально мучается сторонний им человек...

Окружающие судили об Алине по ее страничке в соцсети, где женщина делилась событиями своей жизни. Вот Алина в известном дорогом кафе, перед ней на мозаичном столике пирожное на тарелке, в окружении свежих ягод и листиков мяты... Вот Алина стоит с лыжами, в дорогом спортивном костюме на склоне Альп... Вот Алина на яхте, сидит, поджав ноги, и смотрит на воду, и ветер играет ее чудесными волосами... Вот Алина показывает свои новые туфельки, стоя у магазинчика, расположившегося на уютной европейской улочке...

Фото делал профессиональный фотограф. Фотограф снимал в основном Рикардо, ну и Алине пару ее фото потом сбрасывал – из любезности.

Алина публиковала эти фото на своей страничке, а затем получала несколько десятков лайков от своих знакомых. И череду одинаковых комментариев – восхитительно, чудесно, ты прекрасна, ты необыкновенна, и т. д. и т. п. И никому из комментаторов в голову не приходило, почему на всех этих снимках Алина – одна? А одна она – потому что любовница; и совместные снимки с Рикардо могут ранить его близких и вообще плохо повлияют на его репутацию бизнесмена.

После юбилея выпускного Алина бросилась изучать в сети блог Ромашовой. Тысячи комментаторов, бурные дискуссии... Да, статьи у Зины интересные, читаются легко, темы интересные, в основном про искусство, но вместе с тем возникает ощущение, что бывшая однокурсница занимается чем-то важным. Настоящим. Потом Алина нашла статьи Зины на страницах серьезных изданий, известные люди обсуждали их, комментарии каких-то звезд – актеров,

художников, политиков... Попался еще репортаж с мероприятия, где Зине присудили премию за просветительскую деятельность.

А потом в журнале Зины появился пост о работе реставратора мебели. Алина просмотрела все фото – в основном были показаны этапы работы над старинным комодом, интересно, и правда, наблюдать за тем, как преобразуется обшарпанная, сломанная вещь, но это не главное. А главное – это то, что на одном из фото, в зеркале на стене, отражалось лицо Олега. Словно картина. Портрет прекрасного незнакомца!

Ясное дело, Зина побывала у Олега в гостях, и это у него она взяла интервью о том, как реставрируют мебель.

Алина перечитала этот пост Зины несколько раз и вдруг ощутила, как дрожат руки, колотится сердце. Она не могла больше молчать и сдерживаться, она должна была с кем-то поделиться своими чувствами.

Набрала номер Аси. Почему именно Аси? Потому что Ася находилась примерно в том же положении, что и она, Алина. Ася – тоже одинокая свободная женщина.

– Асечка, это я, Алина Велинская, помнишь, в начале вечера обменялись номерами... Ты видела последний пост у «Ромашки»... То есть у нашей Ромашовой?

– Ага, – засмеялась Ася. – А физиономию Зоммера – там, на снимках, заметила? Слушай, как ты себя чувствуешь, твои раны зажили уже?

– Ты про мою битву с Брониславой? Хожу побитая, да, меня все спрашивают, откуда синяки... – засмеялась и Алина.

– Слушай, а давай встретимся? Ты сейчас свободна? Поболтаем.

– А давай! – с неожиданным восторгом отозвалась Алина.

...Бывшие однокурсницы встретились в центре города, в летнем кафе. Обнялись, сердечно расцеловались. Заказали бутылку белого вина на двоих, легкие салаты из зелени. Алина, после нескольких минут встречи, уже чувствовала эйфорию – кажется, она неожиданно обрела лучшую подругу, понимающую ее, находящуюся на той же волне. Ах, как жаль, что они не общались с Асей в предыдущие годы...

– Наша Броня – просто танк, а не женщина! – насмешливо произнесла Ася. – Все в шоке от того, что она на встрече учудила.

– Тебе не кажется, что она немного... того? – усмехнулась Алина.

– Еще как кажется. Бедный Олег! До сих пор расплачивается. Нашел с кем сойтись в институте!

– До сих пор расплачивается, да... – грустно согласилась Алина.

– Как странно. Он ведь был влюблен в тебя, все знали.

– И я его любила. Но... так вышло.

Официантка принесла заказ, разлила вино по бокалам.

Алина и Ася чокнулись.

– За нас, молодых и красивых.

– За нас. Ты в курсе, что они потом целый вечер провели вместе, Олег и Зина? Их видели потом в городе. А этот репортаж о реставрации мебели...

– Ты думаешь, они встречаются? – печально спросила Алина.

– Думаю, да. У Олега никого сейчас, я в курсе. А тут такая интересная женщина ему подвернулась, популярная блогерша.

– Ася, откуда ты все знаешь про Олега?

– Ну, вот знаю. И еще я знаю, что это несправедливо, что не ты, а Зина такой расторопной вдруг оказалась. Она не его формат. Женщиной Олега должна быть ты.

– Не могу же я ему навязываться...

– Слушай, Алина. Я тебе помогу. Давай придумаем план: я сегодня позвоню Олегу и что-нибудь такое ему наболтаю... Ну, что мы прочитали «Ромашкин», то есть Зинкин, пост, в восторге от его работы, хотели бы тоже посмотреть на труды его рук и прочее «бла-бла-бла».

– Мы?

– Да, ты и я. Он нас пригласит, я уверена. Только к нему ты поедешь одна, а я вроде как заболела.

– Ася, какая ты выдумщица! Это же все несерьезно...

– Все очень серьезно! Свою жизнь надо делать, ты что, не поняла до сих пор?

– Да, соглашусь, но... – вздохнула Алина, ощущая к своей собеседнице почти любовь. Надо же, какая она, оказывается, чудесная, эта старая знакомая. – Ася... можно с тобой быть откровенной? Надеюсь, я тебя не раню...

– Да пожалуйста, меня ничем не проймешь.

– Ты ни о чем не жалеешь? Например, о том, что не успела сделать... Все вокруг мне твердят – ты красива, ты молода, у тебя все впереди... – шепотом произнесла Алина. – Люди пока еще ничего не замечают, а я уже чувствую, что я накануне каких-то важных перемен, и не очень радостных...

– Я в курсе, о чем ты. Но ты не думай, и у мужиков так же, – хладнокровно произнесла Ася. – Этот переход от молодости к зрелости, и я даже не про климакс, я про все сразу – и про здоровье, и про работу, и про философию...

– Все вокруг твердят, что еще ничего не поздно, и примеры какие-то приводят, как человек нашел свое призвание в семьдесят, как женщина родила первенца в шестьдесят, как в пятьдесят можно влюбиться, бросить все и уехать за милым из города в деревню коров доить... Но у меня ощущение, что это все неправда. То есть так бывает, но... это не про всех. Это не для всех.

– Ну да. Называется – «ошибка выжившего», погугли потом, в интернете про нее подробно рассказано. Короче, когда мы знаем только про один удачный пример, а про то, что было еще десять неудачных из той же серии – мы не в курсе... Но все носятся с этой удачей, как с флагом. А там, за кадром – десятки «раненых» и «убитых».

– Ты понимаешь, Ася! – растроганно произнесла Алина.

– Еще как понимаю. Что шансов у меня почти нет. Я тоже про все сразу – и про работу, и про семью... А про «окна возможностей» слышала? Ну, тоже погугли. Короче, иногда открываются «окна». То есть у нас появляется возможность сделать что-либо. В одни года «окна» открываются чаще, в другие реже или совсем-совсем редко... И вот именно тогда мы можем попасть туда, куда нам нужно. Вступить в брак, родить детей, освоить новую профессию, ипотеку взять... да что угодно. «Окно» – это про то, когда есть возможность и силы, и все пройдет как нельзя лучше, и даже безболезненно, а не из последних сил, когда уже кровь из носу. И вот у меня есть ощущение, Алиночка, что именно сейчас передо мной открывается какое-то очередное «окно».

– И у меня есть такое ощущение, – прокашлявшись, слегка осипшим голосом призналась Алина.

– Тогда надо действовать!

– Я согласна. Ты не представляешь, как я рада, что я сейчас с тобой встретишься... Я ведь дурочка была, честно, ни с кем особо не общалась, только поверхностно – «уси-пуси», лайки и сердечки. Мне казалось, что в тесном общении – какое-то хабальство, бесцеремонность... Это «фи» и неженственно. А оказывается, только так можно понять правду жизни.

– Не переживай. Еще не все потеряно, – серьезно произнесла Ася.

– А как тебе Зина? Что ты о ней думаешь?

– Она неплохой человек. Но себе на уме, определенно. Сейчас в струю попала, но скоро это закончится. Люди не способны чем-то долго увлекаться. Любая популярность сначала взлетает, потом падает.

– Как ты права, как ты права... – застонала Алина.

Они еще долго болтали, сидя в кафе, «уговорили» целую бутылку вина, и Алина хотела еще заказать, но Ася не позволила – завтра их обоих ждут важные дела.

Поздно вечером Ася прислала сообщение: «С Зоммером договорилась, он ждет нас завтра у себя. Ты не опаздывай, а про меня скажи, что я простудилась – от холодного мороженого. И действуй там, не теряйся!» Еще одно сообщение от Аси, следом – с подробным адресом Олега, тот жил где-то в пригороде, недалеко, но все же...

Алина смотрела на экран своего телефона со странным чувством, словно пыталась в этих словах и буквах расшифровать знаки судьбы.

На следующий день, проснувшись, Алина почувствовала прилив сил. Определенно, умничка Ася права, они на самом деле существуют, эти особые «окна возможностей».

Алина готовилась к встрече с Олегом со всей тщательностью – то есть постаралась сделать так, чтобы выглядеть как можно небрежнее и проще.

Она чувствовала волнение – но не потому, что ее пугала встреча с Олегом (а вдруг он разочаруется в ней, а вдруг еще что-то произойдет такое, неприятное и унижительное), нет. Это было волнение человека, решившегося изменить жизнь. Взявшегося за новый проект, от которого может зависеть будущее. Это волнение спортсмена, разминающегося перед решающим стартом.

Ася права – надо *делать* свою жизнь, совершать поступки, меняющие ее к лучшему. Раньше Алина плыла по течению, она не владела своей судьбой – другие люди, обстоятельства влияли на нее. В сущности, если что Алину и заботило раньше, так это то, насколько она привлекательна. Судьбой Алины рулила красота, но сколь долго это могло продолжаться?

Да, красота по-прежнему важна, без нее никак, но теперь надо воспользоваться ею как оружием, наверное.

Олег и правда неплохой мужик. Не олигарх, но вполне состоятелен, занимается интересным делом. Очень красив. Очень. И это минус, женщины всегда к таким красавчикам липнут. Но есть и плюс – Олег мягок и добр, такой мужчина, пожалуй, не бросится во все тяжкие. Предан и верен. Да взять хотя бы историю с Броней – говорят, он на все был готов одно время, чтобы сохранить семью.

Он столько натерпелся от этой сумасшедшей... И это тоже минус – значит, характером все-таки слаб. Определенно, Олег – не альфа-самец. Рикардо – да, истинный альфа, седой цезарь со смуглой кожей и ослепительной хищной улыбкой победителя – всегда на троне, всегда в авангарде, а Олег – нет. Но Олег и не омега, не последний. Олег – бета. Второй. Он и надежен, и вместе с тем об эту каменную стену не разобьешь голову, как в случае с Рикардо.

Кстати, Рикардо, судя по всему, тоже что-то такое чувствует... Некий кризис. Шестьдесят восемь ему недавно исполнилось. Еще не совсем старость, но близко к тому. Недавно Рикардо гарцевал напропалую, доказывая, что еще ого-го, вот и любовница у него есть, а как же, он еще мужик, он мачо. А ближе к семидесяти, наверное, все же ощутил этот холодок смерти на лице. Дыхание вечности? Он именно потому и стал отдаляться от Алины, что понял – глупо дальше гарцевать. Разумнее в его возрасте вновь приблизиться к семье – жене, детям, внукам. Встретить дряхлость (до которой, возможно, еще не скоро, но тем не менее) в кругу семьи, почтенным патриархом. И все будут довольны – да, немножко гулял старина Рикардо, но зато он был настоящим, верным отцом и мужем.

С Рикардо у нее нет будущего. Если бы Алина была раньше чуть менее инфантильной, эгоистичной и чуть более наблюдательной, она давно бы оставила этого человека. Или мать

вовремя растолковала бы ей, что он за человек такой, Рикардо, не стоит ничего от него ждать... Но нет, Алина заметила проблему только тогда, когда буквально стукнулась о нее лбом.

Так что Олег – наилучшая кандидатура для спутника жизни. Он понятен, знаком с юности, от него нельзя ждать подвоха. И, самое главное, он не противен Алине. Даже приятен. И вообще она была всегда в него немножечко влюблена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.